

АКТЕР, ГРАЖДАНИН...

Когда начинаешь писать о каком-либо человеке, прежде всего задаешь себе вопрос: а что в нем главное, что определяет всю его жизнь.

И вот когда думаешь об артисте Маргостеатра Борисе Яковлевиче Раздольеве, о том, что составляет для него основное и в искусстве и в жизни, прежде всего бросается в глаза непримиримость его ко лжи и бюрократизму.

Родился Б. Я. Раздольев на Украине. Родители очень хотели дать мальчику образование, но трудно жилось семье, и в тринадцатилетнем возрасте он поступает в переплетную мастерскую.

Шестнадцатилетним юношей Борис становится добровольцем Первого Подольского рабочего батальона ЧОН (частей особого назначения), потом служит в Красной Армии, где активно участвует в художественной самодеятельности. Способного юношу заметили, демобилизовали и командировали в Киевскую театральную школу, которая была организована при одном из самых крупных театров Киева. Стипендии в школе тогда не платили, жить было не на что. Пришлось днем учиться, а ночью работать на фабрике, но уже через год после начала учебы Борис Яковлевич становится актером Киевского театра-студии.

Потом пошли годы работы в разных театрах—в Белгороде, Бобруйске, Брянске, Бежице, в театральных объединениях Украины. Время было трудное, и актеры редко где служили больше чем один сезон. Почти с самого начала работы в театре Раздольев начинает заниматься и режиссурой, а позже работает режиссером-ассистентом в Казанском драматическом театре.

О его работе здесь, пожалуй, лучше

всего говорит отзыв одного из старейших режиссеров Казанского театра Лищенко: «...Вскрывая природу спектакля, товарищ Раздольев всегда идет по правильному пути и, предлагая детали, нащупывает всегда верную форму спектакля. Товарищ Раздольев обладает редким талантом планирования и рационализации рабочего времени, а, следовательно, важнейшим элементом организации спектакля». Лищенко особо подчеркивает беззаветную преданность работе и неиссякаемую энергию молодого режиссера.

Борис Яковлевич начинает заниматься самостоятельной режиссерской работой, поставив в разных театрах больше тридцати спектаклей. В числе его режиссерских работ—«Ревизор» Гоголя, «Без вины виноватые» Островского, «Последние» и «На дне» Горького, «Коварство и любовь» Шиллера, «Платон Кречет» Корнейчука, «Машенька» Афиногенова. К этому же, примерно, времени окончательно складывается и творческая индивидуальность Раздольева—артиста яркой комедийности и острой характерности. Он всегда ищет яркую сценическую форму.

Война застает Бориса Яковлевича в

Великих Луках. Он сразу вступает в отряд народного ополчения и только после ликвидации отряда по состоянию здоровья эвакуируется в тыл. После окончания войны Раздольев опять в Великолукском театре, а в 1949 году поступает в Маргостеатр имени Шкетана, и с тех пор непрерывно работает здесь.

Он—артист интересный и, конечно, как все настоящие актеры, влюблен в свою профессию. Но когда его спрашиваешь, какую из своих работ он любит больше всего, он с мягкой улыбкой отвечает—«общественную».

Его трижды избирали председателем местного комитета и дважды—секретарем партийной организации театра. В этом году он снова секретарь партийного бюро и, кроме того, председатель театральной комиссии Марийского обкома профсоюза работников культуры.

Борис Яковлевич имеет три почетных грамоты за хорошую производственную и общественную работу, но главное, пожалуй, в том, что его знают, ему верят люди. Идут к Борису Яковлевичу и с бедой своей, и с сомнениями, всегда находя совет и помощь. Ведь недаром в одном из режиссерских отзывов о нем говорят не только как об артисте, но и как о хорошем, чутком товарище.

И в своей творческой работе Борис Яковлевич остается верным себе. Он обличает зло, обличает остро и беспоощающе.

Б. Я. Раздольев.

в каких бы социальных формах оно ни воплотилось. Стоит вспомнить хотя бы холодного, жестокого, отвратительного похотливого доктора Леща из «Последних» Горького. Этот господин, в исполнении Раздольева, безмерное свое хамство считает, кажется, образцом поведения в обществе, бравировает им, как бы говоря окружающим: «И вы не лучше», откровенно, с истинным наслаждением исповедует свой «жизненный принцип»—брать всюду, где можно, а где нельзя—вырывать силой.

А вот другая работа актера—лицемерный и отвратительный в своей жадности звонарь Диего из «Испанского священника» Флетчера. Этот примерный слуга господень готов самому дьяволу душу продать за копейку, за бокал вина и совершенно искренне сожалеет о том, что прихожане его «голодают, а недохнут», уменьшая его, Диего, доход.

Или Чир из «Любови Яровой» Тренева. Эти вечно опущенные очи смиренного служителя церкви, молитвенно сложенные руки и неслышная походка профессионального шпиона. На губах елеяная ускользающая улыбочка, а уши слышат все, они как бы живут своей, особой жизнью, да глаза иногда вспыхнут затаенным блеском животной ненависти к большеви-

кам. Чир в исполнении Раздольева—законченный, цельный, убийственный по сарказму портрет белогвардейского шпиона в рясе, убийцы с крестом.

Но актер умеет и задушевно, мягко рассказать о хорошем, чистом в человеческой душе, о доброте, мягкости, стойкости и честности, как бы опять продолжая со зрителем разговор о самом важном для себя, о справедливости и правде. Вспоминается его светлый, мягкий, наивный Перчихин из «Мещан» Горького—большой ребенок, приносящий радость и свет в темный, гнетущий мир мещанства. Но он вовсе не мягкотелый спричок, которого каждый может обидеть. Он становится гордым и сильным, когда защищает свой идеал добра и человеческой красоты, свое достоинство. Перчихин—один из любимых и наиболее глубоких образов Раздольева.

А рядом—непроходимо лупый, раздувшийся от чванства, как идюк, маркиз Форлянополи («Трактирщица Гольдони») и десятки таких же ролей, сгранных актером в очень острой форме. Между прочим, режиссура, отмечая умные артиста работать самостоятельно, находит верную внутреннюю линию поведения своего героя, упрекает его в том, что он иногда увлекается внешними приемами игры.

Критика тоже отмечала, что Раздольев иногда «переигрывает».

Артист и сам превосходно знает это, и вопрос здесь, пожалуй, только в том, почему это происходит. Актерам такого плана, как Раздольев, остро комедийным, подходящим в рисунке роли иногда до открытой клоунады, удержаться на линии того «чуть-чуть» в искусстве, за которым начинается фальшь, так же трудно, как канатоходцу на канате, особенно если они играют подряд роли «одного плана», как Борис Яковлевич. Их надо уметь вовремя увести от самоповторения, «переключить» в другое русло.

В связи с этим Борису Яковлевичу не мешало бы создать большой образ положительного советского человека, который позволил бы ему раскрыть новые стороны своей индивидуальности. До сих пор этого не было. Ведь нельзя же всерьез считать таким образом дедушку из водевиля «Димка-невидимка» или даже Язину из «Несчастливого случая» Макарянского и Холлендро, где основное значение имеет все-таки детективный сюжет, а не характеры. Борис Яковлевич Раздольев уже 40 лет трудится, из них 30 на сцене. Будем надеяться, что скоро он сыграет такого человека.

Л. ДОБРОПРАВОВА